

Л.В. Дериглазова

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: МОТИВАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ИЗ РОССИИ И ЕВРОПЫ

Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.27.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Анализируются мотивация и проблемы адаптации молодых россиян и европейцев, принимавших участие в программах международной академической мобильности. Исследование проводилось с 2014 г. качественными методами: фокус-группы, полуструктурированные интервью. Результаты исследования показывают, что несмотря на схожие мотивы и проблемы адаптации, которые называли участники исследования, содержательно это разный опыт, который помогает выявлять те проблемы, которые должны решить российские университеты для привлечения европейских студентов и ученых. Политики интернационализации высшего образования, которые реализуют страны ЕС и Россия, также формально могут рассматриваться как схожие, однако и здесь можно выделить существенные различия при реализации таких проектов.

Ключевые слова: академическая мобильность; молодежь; Россия; Европа; интернационализация образования.

Несмотря на ухудшение отношений между Россией и странами Европейского союза в последние пять лет, поток студентов из России в европейские страны и из европейских стран в Россию не уменьшился. Согласно отчету «Европейского пространства высшего образования» за 2018 г., Россия входит в четверку стран, куда приезжает наибольшее количество студентов из европейских стран – почти 69 тыс. студентов, и занимает пятое место по количеству мобильных российских студентов в европейские страны – почти 43 тыс. студентов [1. Р. 255–256]. Феномен международной молодежной академической активности становится объектом исследований ученых в России, учитывая активную политику интернационализации, которую реализует правительство РФ последние годы [2–4]. Россия стала активным участником и спонсором академического обмена и экспорта образования относительно недавно, что почти совпало во времени с ухудшением политических отношений с европейскими странами с 2014 г.

Активная политика по продвижению академического обмена между ЕС и Россией может быть интерпретирована в рамках популярной теории «мягкой силы». Со стороны ЕС такая политика проводилась на протяжении десятилетий, когда программы академической мобильности и сотрудничества рассматривались как способ влияния на молодое поколение, будущих лидеров через демонстрацию преимуществ европейского образования не только с точки зрения его содержания, но и иной академической культуры – более демократической, открытой, ориентированной на потребности студентов [5. Р. 3–4]. Активное академическое сотрудничество также было ориентировано на создание атмосферы взаимопонимания на уровне академических сообществ и общества в целом, особенно когда Россия стала полноправным участником Европейского про-

странства высшего образования (European Higher Education Area), выполнив формальные требования по присоединению к Болонскому процессу.

Для России интернационализация высшего образования и международное научно-техническое сотрудничество рассматривается как способ сохранения высокого уровня знаний, технологического и научного прогресса. Если в 1990-е гг. Россия была получателем помощи для реформирования системы высшего образования с активным участием американских и европейских фондов, то начиная с 2006 г. правительство РФ все активнее инвестирует в развитие и формирование новой модели высшего образования в соответствии с лучшими зарубежными стандартами. На это были направлены правительственные программы реформирования вузов в рамках создания национальных исследовательских и федеральных университетов.

Начиная с 2013 г. можно отметить стремление России формировать положительный образ страны через программы академического обмена и интернационализацию национального высшего образования. В 2013 г. был инициирован дорогостоящий проект «5-100», ориентированный на продвижение российских вузов в сотню лучших мировых университетов. С 2014 г. начала действовать программа «Глобальное образование», в рамках которой выделяются стипендии молодым россиянам для обучения за границей с обязанностью вернуться в Россию и работать на благо страны. На январь 2019 г. такой возможностью воспользовались 711 россиян [6]. Можно отметить стремление РФ также распространять свое влияние в мире через экспорт высшего образования. В 2018 г. был инициирован приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» с участием 39 российских вузов, которые будут принимать на обучение ино-

странных студентов. Согласно цели проекта, «в результате реализации проекта количество иностранных студентов, которые обучаются по очной форме в российских вузах, должно вырасти с 220 тыс. человек в 2017 г. до 710 тыс. в 2025 г., а количество иностранных слушателей онлайн-курсов российских образовательных организаций – с 1 млн 100 тыс. человек до 3 млн 500 тыс. человек» [7]. Таким образом, международная академическая мобильность между странами ЕС и Россией может рассматриваться с точки зрения нескольких разных подходов: 1) как взаимовыгодное сотрудничество, 2) как часть продвижения положительного образа в рамках теории «мягкой силы», 3) как начало конкуренции на международном рынке образовательных услуг и 4) то, что нередко называют «охотой за талантами».

Сибирский федеральный округ занимает ведущее место вслед за Центральным (Москва и Московская область) и Северо-Западным (Санкт-Петербург и Ленинградская область) по объему международного сотрудничества, начиная с 1990-х гг. Вузы Томска принимают активное участие в интернационализации высшего образования, что включает также и энергичное привлечение иностранных студентов и молодых ученых для обучения и стажировок в Томске [8. С. 190–191]. Тем не менее, по сравнению с университетами центральной части России, иностранные студенты в Томске в основном представлены выходцами из стран СНГ, Китая и весьма незначительно из стран Европы [9]. Однако именно на европейских студентов и молодых ученых возлагается ожидание о международном признании ведущих томских университетов [10]. Изучение молодежной международной мобильности в университетах Сибири стало предметом нескольких исследований, включая проблемы адаптации иностранных студентов [11, 12].

Международная академическая мобильность молодых ученых может быть отнесена к «маятниковой» миграции, которая подразумевает временное пребывание в другой стране на период обучения или стажировки. Несмотря на то, что срок проживания за границей может составлять от нескольких недель до нескольких лет, молодые люди, как правило, рассматривают данное положение как временное и планируют возвращение в страну своего происхождения. Встречное изучение международной академической мобильности российских и европейских молодых ученых дает возможность сравнить мотивацию академической мобильности, ее влияние на восприятие страны происхождения и страны пребывания, а также выявить наиболее общие проблемы адаптации, с которыми неизбежно сталкиваются молодые люди, длительно проживающие вне страны происхождения.

Томский государственный университет (ТГУ) является активным участником международной академической мобильности, и здесь несколько лет назад был инициирован проект по изучению идентичности европейских и российских молодых ученых, которые при-

нимали участие в академической мобильности. Целью исследования было выявление того, как международная мобильность влияет на самовосприятие ученых, страны их происхождения и принимающей страны (региона) в контексте европейской идентичности. Частично результаты данного исследования были опубликованы в виде статей [13, 14].

Исследование проводилось качественными методами: личные интервью, фокус-группы и самостоятельное заполнение типовой анкеты с открытыми вопросами, по которым велось также интервью. Вопросы в исследовании были объединены в три блока: 1) общая информация о респонденте, которая включала данные об этническом происхождении и / или гражданстве, поле, возрасте, сфере академической подготовки; 2) рефлексия на тему национальной и наднациональной (европейской) идентичности; 3) оценка личного опыта академической мобильности. Здесь мы продолжаем представление результатов исследования, касающиеся сравнительного анализа мотивации европейских и российских молодых ученых, а также проблем адаптации, с которыми они сталкивались в период прохождения обучения или стажировки за рубежом. Хотелось выразить благодарность студентам-антропологам ТГУ, которые приняли участие в проведении некоторых интервью и расшифровке аудиозаписей фокус-групп и интервью. Отдельная благодарность И.Г. Поправко, доценту ТГУ, за активное участие в разработке методологии исследования, организации фокус-групп и сопровождения проекта. В данной статье также частично используются материалы, собранные Г.В. Грошевой и опубликованные в нашей совместной статье [13].

К материалам, которые использованы для получения данных о мотивации и проблемах адаптации как российских, так и европейских молодых ученых, могут быть также отнесены две публикации, которые не являлись напрямую связанными с данным проектом, но которые появились как результат международного сотрудничества с европейскими университетами в ТГУ. Это публикация «Университет будущего: стратегия развития вуза» [15], представляющая результат проектной работы 20 участников Международной летней школы «Высшее образование и академическая мобильность молодежи в современных интеграционных процессах», прошедшей в ТГУ 2–5 июля 2017 г. Участники школы проанализировали направления деятельности вуза, играющие ключевую роль в его модернизации, и предложили свои рекомендации по повышению эффективности работы вуза области интернационализации и академической мобильности. Вторая публикация представляет результаты исследовательского проекта студентки из Франции, Лолы Роузи, которая обучалась в ТГУ по программе обмена в течение года. Лола Роузи инициировала и реализовала проект по изучению оценки европейских и российских студентов работы административной системы в странах ЕС и России, включая систему университетского администрирования. Ре-

спондентами были в большей степени российские и европейские студенты, обучавшиеся в Томске [16].

Кроме того, в данной статье учитываются результаты трех фокус-групп, которые были проведены в ТГУ с участием молодых россиян и иностранцев в апреле 2014 г., июне 2015 г. и июне 2016 г. Во время первой фокус-группы отрабатывалась методология исследования. Участниками фокус-группы были российские молодые ученые, которые принимали участие в академической мобильности в страны Европы. Фокус-группа в июне 2015 г. проводилась в рамках международной конференции и носила характер экспертного обсуждения феномена международной мобильности с участием молодых ученых, которые не приняли активного участия в обсуждении. Фокус-группа в июне 2016 г. была проведена в рамках международной летней школы, посвященной проблеме международной академической мобильности, и в ней были представлены, в первую очередь, молодые ученые и студенты – 15 человек в возрасте от 19 до 29 лет из России, стран Европы (Италия, Бельгия, Беларусь), Азии (Индия, Казахстан), Ближнего Востока (Сирия). Опыт международной академической мобильности имели 10 участников группы, другие пять, не имевших такого опыта, хотели бы его получить.

Европейские участники проведенного исследования представляли разные европейские страны: Норвегия, Германия, Франция, Италия, Бельгия, Великобритания и Финляндия. В основном студенты обучались в магистерских и аспирантских программах в ТГУ. Международная мобильность осуществлялась в рамках научных стажировок или программ обучения. Сфера академической подготовки – международные отношения, история, политология и право. Российские участники обучались в разных европейских странах: Польша, Чехия, Бельгия, Германия, Нидерланды, Великобритания. В основе академической мобильности были межуниверситетские договоры об обмене, программы двойного диплома, национальные программы мобильности и программы ЕС, также индивидуальное поступление на программы обучения в европейские университеты.

Для российских молодых ученых главными мотивами международной академической мобильности были престижность и востребованность заграничного образования, возможность наработки практики английского языка и языка страны пребывания (погружение в языковую среду). Были также названы цели самореализации, возможность устроиться на работу и высокий уровень заработных плат, финансовая доступность, а также возможность попутешествовать, высокий уровень благосостояния и безопасность региона. Среди личных мотивов также указаны возможность знакомства с образовательной системой зарубежных стран, получения иного образовательного и культурного опыта, апробация способов мобильной жизни, знакомство с европейской историей и культурой, языковое родство (славянских языков), комфортный климат и др. Также

были отмечены профессиональные цели: продолжить обучение в той стране, которую изучали, проверить свои профессиональные способности, профессиональные амбиции. Кроме того, было отмечено желание преодолеть замкнутый круг повторений, предсказуемость жизни, выйти из зоны комфорта, желание развития и профессионального экстрима. Выбор страны мог быть «условно случайным», когда выбирали из нескольких университетов, куда были приняты на обучение после подачи документов. Среди мотивов обучения были названы также любопытство, интерес к тому, «как там учат, чему учат, какие акценты расставляют», и оказалось, «действительно, что учат по-другому, не могу сказать, что хуже или лучше, сама система совершенно другая» [13. С. 138].

Для некоторых российских респондентов стремление поучиться в Европе тесно связано с притягательным образом Европы как «пространства культуры, науки, возможностей, как интеллектуальный кластер», и «мотивы рациональные переплетаются с эмоциональными»: академические интересы и «давнее желание побывать в той части света, историю которой подробно изучают в университете, и культурой которой восхищаются». Среди рациональных мотивов академической мобильности отмечали «высокий уровень финансирования сектора науки и образования», «большое количество университетов с мировым именем». Кроме того, назывались и совершенно прагматические мотивы, такие как возможность «лишний раз побывать в Европе за счет Европейского союза», возможность получить «бонусы при трудоустройстве».

Европейские респонденты среди мотивов международной академической мобильности называли: возможность наработки практики русского языка (погружение в языковую среду); самореализацию; возможность путешествовать и знакомиться с историей и природой принимающего региона; возможность знакомства с образовательной системой; получение нового культурного опыта; знакомство с российской историей, культурой и обществом. Важное значение в мотивации играли профессиональные цели: продолжить обучение в той стране, которую изучали; проверить свои профессиональные способности; профессиональные амбиции; желание развития и профессионального «экстрима». Среди европейских респондентов были такие, кто видел непосредственную пользу для своей будущей работы дипломата, волонтера или исследователя-международника. Для таких студентов получение опыта жизни в разных странах, включая Россию, было частью накопления «профессионального портфолио», опыта, преодоления проблем, «выход из зоны комфорта», частью личностного роста. Такие студенты полагали, что международную академическую мобильность должно активно поддерживать правительство через систему стипендий, облегчения получения визы.

Возможность обучения в России многими европейскими студентами рассматривалась как возможность

понять суть особенностей и отличия России от европейских стран, систему университетского образования, культуру общения, повседневность, политическую систему. Некоторые респонденты отмечали, что в европейских странах существует негативный образ России, формируемый средствами массовой информации, и который во многом исчезает после непосредственного опыта жизни и обучения в России. Несколько респондентов указывали на то, что международная мобильность помогает лучше понять свою страну, начать ее больше ценить, не принимать как само собой разумеющиеся те положительные аспекты жизни, которые становятся заметными после жизни в России.

Для российских респондентов проблема адаптации в Европе была оценена как «легкая», «быстрая и безболезненная», «без потрясений». Среди факторов, осложняющих процесс адаптации, большинство опрошенных назвали: языковой барьер, провоцирующий появление других, сложность в адаптации, ограничение круга общения, различия в менталитете, в правилах поведения в обществе, правилах оказания услуг, настроенность местного населения, обусловленная историческим прошлым. Знание иностранного языка не всегда обеспечивало легкую адаптацию, особенно вне академической среды. Как отметил один респондент, «понять беглую разговорную французскую речь оказалось решительно невозможно, чего нельзя сказать о размеренном понятном французском языке преподавателей». Среди факторов, облегчающих преодоление барьеров, названы: собственные усилия (интенсивное изучение языка), наличие русскоговорящих (в том числе бывших соотечественников), рационально организованные формы повседневности («наличие информации о транспорте, туристических достопримечательностях и т.п.»). Среди факторов, способствующих адаптации, были также названы помощь волонтеров программы Эразмус+ и популярные материалы, которые готовят для иностранных студентов.

Непривычными оказались возможность «безграничного» перемещения в рамках Шенгенской зоны («быстрого перемещения между регионами страны и сопредельными странами, не ограничиваемая формальностями»), развитость инфраструктуры, ощущение безопасности, спокойствия и комфорта в стране пребывания. Среди положительных моментов для студентов были названы хорошо организованная система общественного транспорта, возможность бесплатно посещать музеи и сравнительно дешево путешествовать по всей Европе.

Среди особенностей принимающего общества были названы чрезмерное соблюдение правил этикета, отзывчивость граждан и уровень их правосознания и высокий уровень жизни в целом. Некоторые респонденты говорили о психологических проблемах привыкания к инокультурной среде, о страхе выйти в публичное пространство, необходимости дополнительных усилий для того, чтобы общаться, понять особенности принимаю-

щего общества, его практики, принятые модели поведения. Особенно эта проблема возникала у тех, у кого был небольшой опыт мобильности вообще (даже в рамках своей страны), и тех, кто уезжал надолго и должен был полностью встроиться в принимающее общество.

Оценивая те жизненные практики, которые россияне хотели бы перенести на «российскую почву», называли стиль общения преподавателей и студентов как «первоначальной идеи университета как корпорации профессоров и студентов», культуру общения с уважением к различиям, к личному пространству, большей личной ответственности за собственную жизнь. Однако был единичный ответ с прямо противоположной оценкой, когда респондент указывал на негативные аспекты жизни в европейских столицах: бездомные, грязь на улицах, а свой опыт оценил, что «можно было бы и не приезжать, но хорошо, что съездил, по крайней мере, набрался впечатлений».

Европейские студенты называли следующие проблемы адаптации в России: языковой барьер, непрозрачность администрирования в университетах, серьезные бытовые отличия, наличие гендерных барьеров [16], фрустрация от неспособности выразить себя на родном языке. Как отметил один респондент, проблемы особенно ощутимы в самом начале пребывания в новой стране, где не все говорят по-английски, а сам студент не говорит по-русски, когда все кажется новым и в общественных местах, и в университете, и в общежитии, и «вначале не совсем понятно, как себя вести». Но потом, с течением времени, когда устанавливается общение внутри университета, в общежитии, «понимаешь, что все очень доброжелательные, готовы помочь». Это замечание совпадает с ощущениями, которые были высказаны и российскими студентами.

Некоторые европейские респонденты отмечали низкую культуру в общественных местах (транспорт, общепит), где работающие не знают иностранного языка и не готовы проявлять вежливость и терпение в отношении иностранцев. Также некоторые респонденты отмечали нежелание россиян, даже обладающих хорошим иностранным языком, входит в близкие отношения со студентами-иностранцами, их неспособность выстроить дружественные отношения с принимающим обществом. Были и такие респонденты, кто говорил о России как о почти «второй родине», по которой они скучают в отличие от страны своего происхождения. Адаптироваться помогали предыдущий опыт путешествий, а также понимание временности пребывания в другой стране.

И российские и европейские респонденты отмечали влияние, которое оказывала международная академическая мобильность на их профессиональное и личное развитие: расширение возможностей в коммуникации (как на бытовом, так и на профессиональном уровне), улучшение знания языка, появление новых знакомств, расширение кругозора, появление новых знаний о си-

стеме образования, менталитете, культуре, традициях и обычаях принимающего общества, появление большего стремления к самообразованию, большей целеустремленности, избавление от негативных стереотипов о русских, обретение большей уверенности в себе, в собственных силах, способности справляться с жизненными ситуациями в незнакомой обстановке, профессионально развиваться в инокультурной среде, лучше организовывать свою жизнь, планировать и быть ответственным за свое благополучие. Российские респонденты отмечали обретение большей внутренней свободы, открытости, умения прислушиваться к себе, к собственным потребностям, меньшей зависимости от условностей, социального давления и контроля.

Для российских респондентов было характерным восприятие европейцев обобщенно, выделение их «общих черт»: понимание свободы, отношение к собственности, взаимоотношения государства и общества, готовность бороться за свои права, большее внимание к проблемам экологии, более высокий уровень общей культуры, общая система ценностей (цели, идеалы, убеждения, отношение к жизни), менталитет; устойчивые социокультурные установки (отчасти мифологизированные), отличающие их от людей Востока и России, и маркирующих их принадлежность к Европе и / или западной цивилизации; географический фактор (одна территория, общие границы); принадлежность к ЕС (политический, экономический, правовой уровни) и Шенгенской зоне. Хотя встретилось единичное критическое рассуждение по поводу способности ЕС создать европейскую идентичность, как навязанную сверху, как механический процесс «перемешивания» людей, при том, что европейская идентичность имеет только один смысл – «географический». Сами европейские респонденты чаще определяли себя через национальную идентичность, однако отмечали и наличие европейской идентичности, как объединяющей представителей разных стран ЕС. Это подтверждает результаты исследования, которые проводят службы опроса общественного мнения в ЕС «Евробарометр». Согласно этим опросам, у жителей стран ЕС на первом месте стоит национальная и локальная идентичность, затем следует «европейская идентичность» и затем идентичность, связанная с ЕС [17. С. 14–16].

Для европейских студентов россияне несомненно относились к особой, не обязательно связанной с Европой, общностью. Это отношение было высказано следующим образом: «...может быть они и европейцы, но очень другие»; «Россия – европейская страна, россияне – «славяне русские-европейцы»; «для меня вопрос, хотят ли сами россияне считаться европейцами»; «они русские и национальная идентичность выражена очень сильно, по сравнению с другими европейскими народами»; «евразийская страна». Другие считали, что «на чувство принадлежности к Европе влияет принадлежность к социальной группе»; «и да, и нет (несмотря на общий цивилизационный опыт, скорее Евразийская

страна, слишком большая и слишком протянувшаяся на Восток)». Некоторые респонденты соотносили данный вопрос с принадлежностью к Европейскому союзу: «Россия не член ЕС, но, если россияне хотят быть европейцами, они имеют на это право, особенно, если они переезжают жить в страны ЕС». Некоторые респонденты отмечали положительные качества русских – «более терпеливые, меньше жалуются на жизнь, проблемы». Однако можно было услышать и прямо противоположную оценку русских, связанную с публичным пространством, – транспорт, магазины. Тогда респонденты указывали, что без знания иностранного языка в России к иностранцам часто проявляют раздражение, не хотят помочь, быстро теряют терпение.

Сравнивая и суммируя полученные ответы европейских и российских респондентов, можно выделить нескольких общих и различающихся моментов в оценках ожиданий (мотивация) и полученного опыта, и оценки процесса адаптации в принимающем обществе. Результаты проведенных опросов показывают, что такие исследования помогают выявить общие закономерности и неизбежно выявляют влияние субъективного опыта, который определяются в том числе и особенностями личности, большей или меньшей степени готовности человека к жизни и активному функционированию в иной культурной среде.

У всех респондентов, европейцев и россиян, профессиональные цели – получение новых и / или апробация полученных знаний, которые помогут в дальнейшем профессиональном росте, указывались как главные. Без исключений респонденты говорили о том, положительном профессиональном опыте, который они получили и который будет полезным в их дальнейшей профессиональной деятельности. Дополнительные мотивы мобильности, на которые указывали респонденты, были связаны с общей ориентацией на международный характер профессиональной деятельности, и здесь были важными личные мотивы и личностные особенности человека, готового к «путешествию»: любознательность, желание знакомиться с другими странами, народами, культурной. Понимание особенностей международной мобильности, как попадания в инокультурную среду, приводило к готовности подстроиться, преодолеть дискомфорт, испытать «экстрим», выйти из зоны комфорта. Тогда адаптация и проблемы адаптации понимались как неизбежная часть «путешествия».

Однако наше исследование показало, что нет прямой линейной зависимости между наличием предыдущего опыта и оценки опыта пребывания в России или в европейских странах. Наличие большого опыта мобильности в европейских странах, вероятно, создавало у некоторых европейских респондентов ожидание схожей легкой и быстрой адаптации в России. Неоправданные ожидания вызывали фрустрацию именно потому, что предыдущий опыт мобильности в Европе был легким и отсюда возникало много претензий именно к

России как к стране сложной для жизни и обучения. Иногда сложности адаптации были вызваны личностными, психологическими особенностями самого человека, и тогда было важно, чтобы человек это понимал и находил возможность справиться с этой проблемой. В зарубежных университетах, которые проводят активную политику интернационализации, существуют специальные программы, предоставляющие не только логистическую и культурно-языковую помощь иностранным студентам, но и психологическую службу. Российским вузам, несомненно, стоит изучить этот опыт.

Знание языка принимающей страны было важным фактором для облегчения адаптации. У тех европейских студентов, кто владел русским языком, такой проблемы почти не отмечалось, они легко интегрировались и легко находили друзей и совершенствовали свои профессиональные знания и навыки межкультурного общения. То же самое может быть сказано и о российских студентах. Однако российские студенты, как правило, более положительно высказывались по поводу организации образовательного процесса, характера общения с администрацией и преподавателями европейских вузов. Европейские студенты часто ссылались на проблемы организации процесса обучения, проживания в общежитиях, т.е. саму систему администрирования международной мобильности на уровне российских университетов.

Здесь стоит рекомендовать офисам российских вузов, работающих с иностранными студентами, продолжать активную работу по обеспечению легкого, постоянного контакта студентов с сопровождающими службами, помощь в освоении и совершенствовании русского языка для иностранных студентов. Можно было бы применить опыт проведения культурной адаптации, как знакомства с наиболее характерными особенностями

ми российского общества, особенностями организации общественного пространства, системой университетского управления. Возможно, необходимо продумать и реализовывать что-то наподобие вводного интенсивного курса «погружения» в культурную и языковую среду перед началом занятий. Такой мини-курс культурно-языковой адаптации поможет студентам познакомиться в сжатые сроки с теми повседневными особенностями принимающего общества, с которыми они будут сталкиваться в течение всего времени обучения. Проведение такого курса в небольшой группе для студентов-иностранцев поможет создать положительные связи как между студентами-иностранцами, так и с принимающим университетом и городом.

Обсуждение особенностей организации международной мобильности российскими вузами как для европейских студентов, так и для россиян, показало, что российским университетам предстоит еще многое сделать для организации эффективной системы сопровождения международной мобильности и преодолеть костной административной системы, не всегда приспособленной для работы с разнообразными проблемами, возникающими у иностранных студентов [15]. Для понимания сути этой проблемы стоит учитывать и результаты исследования российского экономиста С.В. Шендеровича, которая изучала особенности и проблемы реализации программ двойного диплома между финскими и российскими университетами. По мнению С.В. Шендеровича, международная академическая мобильность выявляет проблему удвоения «транзакционной стоимости» реализуемых программ с учетом сохраняющихся административных и нормативных различий, которые умножаются особенностями академической и бюрократической культуры европейских стран и России [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. The European Higher Education Area in 2018: Bologna Process Implementation Report. Luxembourg : Publications Office of the European Union. European Commission. EACEA. Eurydice, 2018.
2. Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О., Лопач О.В. Политика международной академической мобильности Российской Федерации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 4 (13). С. 108–115.
3. Маркина Д.М. Социально-экономические факторы, оказывающие влияние на мотивацию обучения в России иностранных студентов на примере РАНХИГС // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13, № 2. С. 58–63.
4. Чернова В.Ю. Роль международного научно-технического сотрудничества в формировании тенденций миграции научных кадров // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 257–260.
5. Tempus IV. Reform of higher education through international university cooperation. Fifth call application guidelines. EACEA 25/2011. 2011. European Commission. Tempus. URL: https://erasmusplus.rs/wp-content/uploads/2017/01/5th_call_application_guidelines_en.pdf (дата обращения: 8.04.2019).
6. Государственная программа «Глобальное образование». URL: http://educationglobal.ru/ns/employers/become_employer/ (дата обращения: 8.04.2019).
7. Проект «Экспорт образования». URL: <http://government.ru/info/27864/> (дата обращения: 8.04.2019).
8. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации : статистический сборник / Министерство образования и науки Российской Федерации. М. : Центр социологических исследований, 2015. Вып. 12. 196 с.
9. Россия в цифрах. 2018: Краткий статистический сборник. М. : Росстат, 2018. 522 с.
10. Национальный исследовательский Томский государственный университет. Итоги научно-исследовательской деятельности в 2017 г. Томск, 2018. 167 с.
11. Абрамова М.О., Рыкун А.Ю., Сухушина Е.В., Южанинов К.М. Образовательные, трудовые и миграционные ориентации студентов томских университетов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 1 (25). С. 5–18.
12. Алексеев Т.Д. Включенность молодых ученых в международное сообщество: инструмент профессионального развития «на родине» или стимул к внешней мобильности? // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 4 (116). С. 111–126.
13. Грошева Г.В., Дериглазова Л.В. Влияние международной академической мобильности на идентичность молодежи // Европейский путь для России: за и против. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. С. 135–148.

14. Грошева Г.В., Дериглазова Л.В., Поправко И.Г. Изучение международной молодежной академической мобильности качественными методами // Антропология в поисках нового языка описания : тезисы. Томск, 2016. С. 58–59.
15. Дериглазова Л.В., Балякин А.А., Погорельская А.М., Шабалина А.Д., Катаман Д.О., Трифонова Д.Д., Шведов Д.В., Лескина Н.В., Михайлов А.М., Озубкова М., Смоленчук О.Ю., Чугунова Н.Е. Университет будущего: стратегия развития вуза // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 71–81.
16. Роузи Л. Модернизация органов государственной власти в Европейском союзе и Российской Федерации: взгляд молодежи (на английском языке) // Европа и Европейский союз глазами ученых / ред. Л.В. Дериглазова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. С. 97–134.
17. Standard Eurobarometer, 2018. Standard Eurobarometer 89. European citizenship. March. Published June 2018.
18. Shenderova Svetlana. Permanent uncertainty as normality? Finnish-Russian double degrees in the post-Crimea world // Journal of Higher Education Policy and Management. October 2018. P. 1–19.

Larisa V. Deriglazova. Tomsk State University (Tomsk, Russia). Email: dlarisa@inbox.ru

INTERNATIONAL ACADEMIC MOBILITY: MOTIVATION AND ADAPTATION PROBLEMS OF YOUNG SCIENTISTS FROM RUSSIA AND EUROPE

Keywords: academic mobility; youth; Russia; Europe; internationalisation of education.

Article analyses motivation and adaptation problems of young Russians and Europeans who participated in international academic mobility. The study was conducted since 2014 by qualitative methods - focus groups and semi-structured interviews. The results of the study show that along similar motivation and adaptation problems indicated by participants of the study, contextually it is different experience. The study reveals problems that Russian universities should address to be more attractive for European students and scholars. Russian Federation and European countries pursue internationalisation policy that formally could be considered as similar, although there are essential differences in the way it is implemented.

All respondents – Russian and European, put affront professional goals for the academic mobility – to receive new knowledge or to appropriate received knowledge that would help them in their further professional growth. Without exception respondents talked about positive professional experience, that they received, and that would be useful in their professional carrier. Respondents referred to additional motives for the mobility that were connected with general orientation towards international character of their profession and personal motivation. The success of mobility requires some personal characteristics that are important a person who is ready for ‘travel’: curiosity, desire to learn about other countries, peoples and cultures. Our study demonstrated that there is no linear correlation between previous mobility experience and evaluation of academic mobility in Russia or in Europe. Extensive international experience in Europe could create expectations of easy and fast adaptation in Russia. Unfulfilled expectations could cause frustration exactly because of previous experience and this caused complains towards Russia as a country to be difficult to live in and to study. Sometime adaptation problems originated from personal specifics of the very person and it was important when a person understands this and finds ways of dealing with such problems. Foreign universities that pursue active internationalisation normally create special programs aimed at providing logistic, cultural and language assistance to international students, including psychological aid. Russian universities should examine this experience.

Good language skills were important factors for adaptation. Those European students who have good Russian language skills, didn't mention adaptation problems, they easily integrated, found friends and improved their knowledge and skills. The same is true for Russian students. At general Russian students were more positive regarding organisation of academic process, university's administration system and communication with teaching staff at European universities. European students on contrary often criticised organisation of education process, administration system of international mobility at Russian universities.

REFERENCES

1. The European Union. (2018) *The European Higher Education Area in 2018: Bologna Process Implementation Report*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. European Commission. EACEA. Eurydice.
2. Tsvetkova, N.A., Yarygin, G.O. & Lopach, O.V. (2015) Policy of international academic mobility of the Russian Federation. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie – ASR: Economics and Management*. 4(13). pp. 108–115. (In Russian).
3. Markina, D.M. (2018) Socio-Economic Factors Exerting Impact on Motivation of Training in Russia of Foreign Students on the Example of the RANEP. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social and Economic Phenomena and Processes*. 13(2). pp. 58–63. (In Russian). DOI: 10.20310/1819-8813-2018-13-2-58-63
4. Chernova, V.Yu. (2018) The role of international scientific and technical cooperation in forming trends in migration of scientific personnel. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie – ASR: Economics and Management*. 1(22). pp. 257–260. (In Russian).
5. The European Commission. (2011) *Tempus IV. Reform of higher education through international university cooperation. Fifth call application guidelines*. EACEA 25/2011. 2011. European Commission. Tempus. [Online] Available from: https://erasmusplus.rs/wp-content/uploads/2017/01/5th_call_application_guidelines_en.pdf.
6. Russian Federation. (n.d.) *Gosudarstvennaya programma "Global'noe obrazovanie"* [The state program "Global Education"]. [Online] Available from: http://educationglobal.ru/ns/employers/become_employer/. (Accessed: 8th April 2019).
7. Russian Federation. (n.d.) *Proekt "Eksport obrazovaniya"* ["Education Export" Project]. [Online] Available from: <http://government.ru/info/27864/>. (Accessed: 8th April 2019).
8. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2015) *Obuchenie inostrannykh grazhdan v vysshih uchebnykh zavedeniyakh Rossiyskoy Federatsii* [Training of foreign citizens in higher educational institutions of the Russian Federation]. Issue 12. Moscow: Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy.
9. Rosstat. (2018) *Rossiia v tsifrakh. 2018: Kratkiy statisticheskiy sbornik* [Russia in numbers. 2018: A brief statistical compilation]. Moscow: Rosstat.
10. TSU. (2018) *Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy gosudarstvennyy universitet. Itogi nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v 2017 g.* [National Research Tomsk State University. Results of research activities in 2017]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Abramova, M.O., Rykun, A.Yu., Sukhushina, E.V. & Yuzhaninov, K.M. (2014) Contemporary regional students and their educational, employment and migration plans. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1(25). pp. 5–18. (In Russian).
12. Alekseev, T.D. (2013) *Vklyuchennost' molodykh uchenykh v mezhdunarodnoe soobshchestvo: instrument professional'nogo razvitiya "na rodine" ili stimul k vneshney mobil'nosti? [Involvement of young scholars into the international community: a tool for professional development "at home" or an incentive for external mobility?]. Monitoring obshchestvennogo mneniya – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 4(116). pp. 111–126.
13. Grosheva, G.V. & Deriglazova, L.V. (2017) *Vliyanie mezhdunarodnoy akademicheskoy mobil'nosti na identichnost' molodezhi* [The influence of international academic mobility on the identity of young people]. In: Akulshina, A.V. (ed.) *Evropeyskiy put' dlya Rossii: za i protiv* [To be European in Russia: pro and contra]. Voronezh: Izdatel'skiy dom VGU, 2017. pp. 135–148.

14. Grosheva, G.V., Deriglazova, L.V. & Popravko, I.G. (2016) Izuchenie mezhdunarodnoy molodezhnoy akademicheskoy mobil'nosti kachestvennymi metodami [Study of international youth academic mobility with qualitative methods]. In: Funk, D.A. & Nam, I.V. (eds) *Antropologiya v poiskakh novogo yazyka opisaniya* [Anthropology in Search of a New Language of Description]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 58–59
15. Deriglazova, L.V., Balyakin, A.A., Pogorelskaya, A.M., Shabalina, A.D., Kataman, D.O., Trifonova, D.D., Shvedov, D.V., Leskina, N.V., Mikhaylov, A.M., Ozubekova, M., Smolenchuk, O.Yu. & Chugunova, N.E. (2018) University of the future: the development strategy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* – Tomsk State University Journal of History. 52. pp. 71–81. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/52/13
16. Rosi, L. (2018) Modernizatsiya organov gosudarstvennoy vlasti v Evropeyskom soyuze i Rossiyskoy Federatsii: vzglyad molodezhi [Modernization of public authorities in the European Union and the Russian Federation: a youth perspective]. In: Deriglazova, L.V. (ed.) *Evropa i Evropeyskiy soyuz glazami uchenykh* [Europe and the European Union in the eyes of scholars]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 97–134.
17. The European Commission. (2018) *Standard Eurobarometer, 2018. Standard Eurobarometer 89. European citizenship*. March. Published June 2018.
18. Shenderova, S. (2018) Permanent uncertainty as normality? Finnish-Russian double degrees in the post-Crimea world. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 40(6). pp. 1–19. DOI: 10.1080/1360080X.2018.1529134